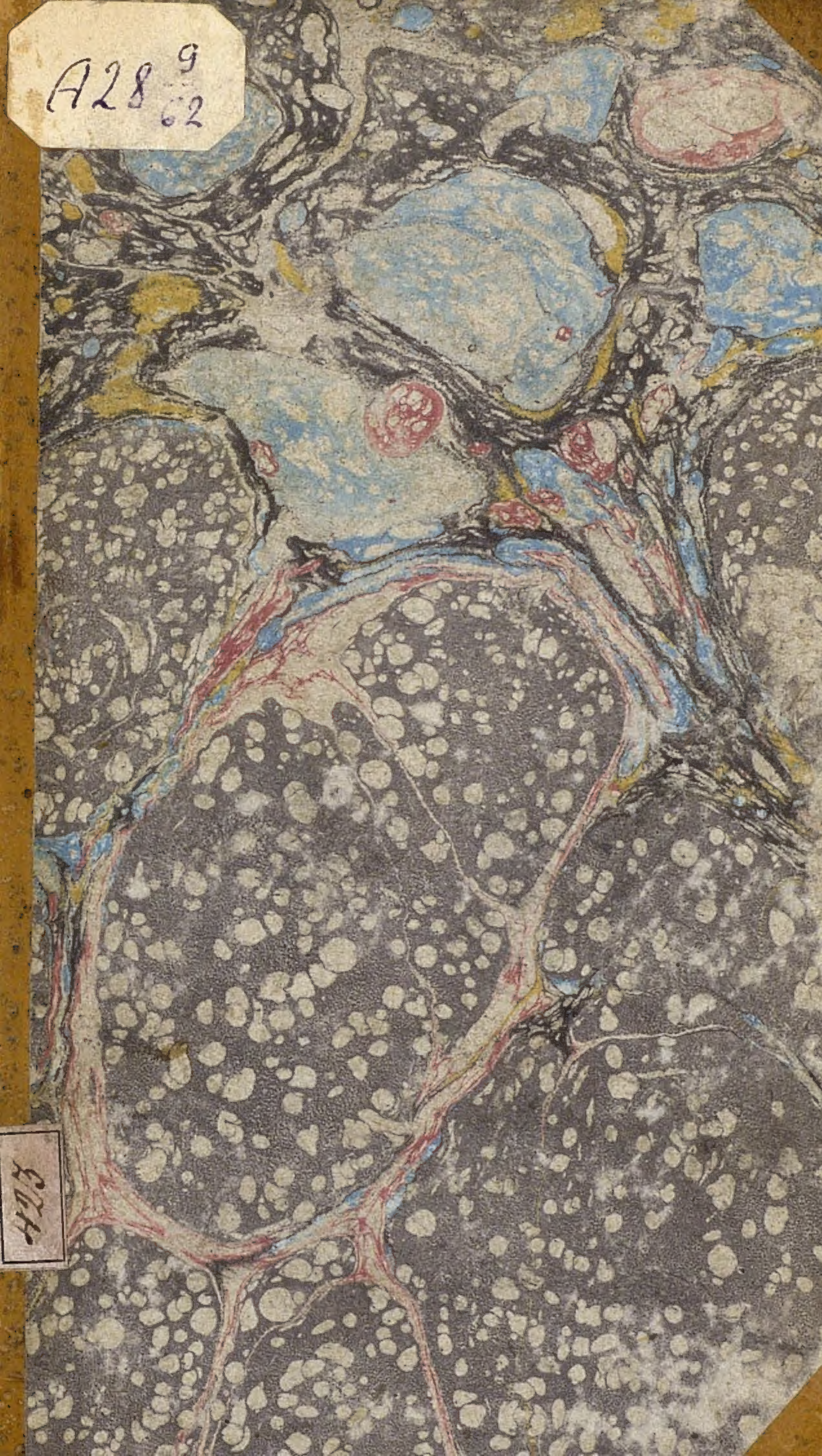

A28 9/62
423

A 28 9/62

ПОРТРЕТЪ

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО,

изображенный въ письмѣ одного Нѣмецкаго Автора къ его пріятелю.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

МОСКВА, 1804.
Въ привилегированной Типографіи
Кряжева и Мея.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Съ одобренія Коллежскаго Совѣтника, Профессора при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и состоящей подъ покровительствомъ ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома Типографіи Цензора

И. Гейма.

360449

Отъ Издателя.

Въ начертаніи портрета видимъ легкую кисть извѣстнаго Писателя, которымъ гордится отечество Германцевъ; Авторъ имѣетъ въ Россіи кругъ дѣйствія, соразмѣрный его достоинству. Жаль, естьлибы человѣкъ, опредѣленный судьбою славить одно изъ прекрасныхъ явленій новаго столѣтія — не исполнилъ своего

опредѣленїя для того, что МОНАРХЪ Россїйской украшаетъ и его Своими милостями! — Къ удовольствїю Россїянъ, думаемъ, что не оскорбимъ скромности Писателя, ни довѣренности друга, къ которому относится письмо, естьли сообщимъ его нашей Публикѣ.

ПОРТРЕТЪ
АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Послѣ первыхъ впечатлѣній на душу, преданную горестнымъ размышленіямъ, по случаю внезапной кончины Императора ПАВЛА I. сердце мое быстро понеслось къ Юному Преемнику, восходящему на престолъ при такихъ обстоятельствахъ, въ такіе лѣта! . . . .

Философъ — наблюдатель, которой все прошедшее разбираетъ для того, чтобы видѣть вдаль, сквозь завѣсу будущаго, не могъ бы на моемъ мѣстѣ, имѣть лучшаго предмета для

размышленiй. Я видѣлъ АЛЕКСАНДРА, Юнаго и Прекраснаго, въ девять часовъ вышедшаго изъ внутреннихъ покоевъ. Дворецъ наполненъ былъ людьми всякаго чина и возраста. Каждый — въ нѣмой радости, еще въ изумленiи отъ внезапной перемѣны, съ любопытствомъ смотрѣлъ то на Преемника, то на знатныхъ, то опять на Преемника. Сердца давно ему принадлежали. —

Все, что мыслитъ и чувствуетъ во мнѣ, хотѣло, такъ сказать, войти въ душу Наслѣдника, чтобы вмѣстѣ съ нимъ мыслить и чувствовать. Я писалъ бы живѣе и пріятнѣе, есть. ли бы имѣлъ на сей разъ тѣ мысли и чувства, которые напечатлѣвались во мнѣ тогда. Чувство внутренняго состоянiя Наслѣдника изображалось на крот-

комъ лицѣ, подъ чертами сердечной скорби и тихаго спокойствія невинной души! Теперь Онъ вызванъ судьбою на испытаніе новое, и въ сію минуту, конечно печальное — испытаніе, явиться предъ народомъ, которой шумною рѣкою разливался во кругъ Его. Сей видъ возбудилъ въ Немъ горестнѣйшее чувство. — Я замѣтилъ припадки меланхоліи, которымъ Онъ подвергался. Волосы Его были безъ пудры и въ безпорядкѣ. Наружность доказывала, какъ Онъ препровелъ ночь, важную и трудную. Размышленія мои умножались, по мѣрѣ стеченія народа. Куда ни обращалъ взоры, вездѣ встрѣчалъ людей значущихъ! Видъ каждаго возбуждалъ во мнѣ новыя и противорѣчащія идеи. Надежда, страхъ, радость, печаль,

сомнѣніе, увѣрительность, вотъ что изображалось на лицѣ людей значущихъ, стоящихъ въ тѣснотѣ, сообразно положенію души и отношеніямъ политическимъ. Каждой, казалось, вопрошалъ Юнаго Государя о судьбѣ своей. Я зналъ Его моральное достоинство, зналъ Его тонкое чувство изящнаго, Его любовь къ справедливости и человѣчеству: но — рѣдкая добродѣтель, вѣнецъ и украшеніе всѣхъ прочихъ, добродѣтель, которая превращаетъ ихъ въ Царскія добродѣтели — твердая воля, непоколебимость въ исполненіи сего моральнаго чувства и признанныхъ должностей, еще не была испытана. Только теперь началось у Него опасное сраженіе съ Самимъ Собою, и еще опаснѣйшее съ тѣми, которымъ надлежитъ удѣлить часть

собственной власти, и которые ищутъ въ Государяхъ однихъ слабостей, однихъ страстей порочныхъ, чтобы самовластно править Государями и народомъ! — — Двацати-трехлѣтній Государь дѣлается Владыкою сорока милліоновъ!... Въ сію минуту сорокъ милліоновъ показались мнѣ сонмомъ духовъ, собранныхъ отъ концевъ земли, по повелѣнію внезапнаго гласа, и въ сомнительномъ ожиданіи взирающихъ на благолѣпнаго Генія, которому Небеса поручили распредѣлять ихъ жребіемъ. — Сіе видѣніе продолжалось цѣлой день, и я въ первой разъ заснулъ спокойно и безопасно подъ крылами кроткаго Генія.

Хвала Небу! не одинъ сей день я былъ счастливъ! Могу теперь назвать жизнь свою драго-

цѣннѣйшимъ наслажденіемъ для сердца, которое занимается судьбою человѣка. Кроткой, благородной характеръ АЛЕКСАНДРА, развиваясь ежечасно болѣе, пріобрѣтаетъ большую твердость и силу для исполненія должностей высокаго и труднаго сана. АЛЕКСАНДРЪ понимаетъ всю цѣну твердости духа, лучшей добродѣтели Царей, и — первымъ считаетъ удовольствіемъ оказывать ее въ Своихъ поступкахъ. Когда приступаетъ къ рѣшенію дѣлъ, Онъ разбираетъ ихъ и обдумываетъ безъ пристрастія, безъ самонадѣянія, требуя совѣтовъ у собственнаго сердца и ума; наконецъ рѣшитъ, и каждое опредѣленіе, изшедшее изъ сего чистаго источника, имѣетъ извѣстную печать, по которой

легко узнаете, что АЛЕКСАНДРЪ дѣйствуетъ и рѣшитъ Самъ.

Вотъ отъ чего не могутъ составиться при АЛЕКСАНДРѢ противныя партіи, которыя въ царствованіе слабыхъ, пристрастныхъ, деспотическихъ Властителей зараждаются ко вреду Государей и подданныхъ, пожираютъ другъ друга, думая основать свое счастіе на развалинахъ другаго, и своею непрерывною борьбою, своимъ возвышеніемъ, или паденіемъ выставляютъ, какъ бы на показъ, и слабость Правителей, и злоупотребленіе святопапственной власти.

При Дворѣ АЛЕКСАНДРА, знатный, или тотъ, кто имѣетъ счастіе быть близкимъ къ Особѣ МОНАРХА, есть не что иное,

какъ избранный токмо служитель Государства, украшаемый почестями и лаврами по мѣрѣ усердія и ревности къ службѣ Государственной, а не Государя. АЛЕКСАНДРЪ столько же человѣкъ, какъ и Императоръ. Сердце Его сотворено для дружбы. Онъ любитъ друзей вѣрныхъ и испытанныхъ: но убѣждаемый гласомъ разсудка, которой говоритъ *вредно для Государя и друзей Его имѣть любимцевъ* — предлагаетъ Своимъ избраннымъ чистую, безпристрастную дружбу, какъ единственной способъ короткаго съ ними сношенія... Въ Россіи только АЛЕКСАНДРЪ царствуетъ. Придворные, которые все высматриваютъ и выѣдываютъ, не скажутъ вамъ, чтобы кто нибудь имѣлъ вліяніе на Государственныя дѣла, и судьбу подчи-

ненныхъ.— И АЛЕКСАНДРЪ, Повелитель полночной страны Европы, является Государемъ, — токмо въ исполненіи должностей Своихъ, въ трудахъ великихъ и непрерываемыхъ. Повѣрите, что Онъ считаетъ Себя не болѣе, какъ первымъ изъ служителей ввѣреннаго Ему Государства; служителемъ, на котораго возложено бремя, въ сравненіи съ другимъ, тягчайшее, и съ строжайшимъ отчетомъ соединенное. Чему безсмысленная чернь удивляется и завидуетъ, чемъ озаряется ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, что ослѣпляетъ и утомляетъ въ торжественныхъ обрядахъ — обманчивой блескъ, которой только чувствами водимыя толпы называютъ вѣнцемъ и счастіемъ, униженность рабольпія, знаки подданства, кото-

рые нравятся токмо обольщеннымъ и облизорукимъ Властителямъ — все сіе кажется Ему ... *тягостїю:* ибо Онъ имѣетъ въ виду другіе, благороднѣйшія удовольствія, и единственно мысль, что блестящая наружность есть потребность сана Царскаго, не дозволяетъ Ему почитать совершенно потеряннымъ время на нее употребляемое.

Предшественники АЛЕКСАНДРА Перваго, желая доставить Государству безопасность и независимость отъ сосѣдей на щотъ ихъ, и древнее сердце Россіи ограждая дальнѣйшими предѣлами, въ теченіи ста лѣтъ, дѣйствовали болѣе на внѣшность, нежели на внутренность. Исторія гремитъ о побѣдахъ и славѣ древнихъ Царей: въ настоящій

вѣкъ скажутъ о Россіи: *всеобщая дѣятельность ведетъ ее къ величію, котораго слава предоставлена АЛЕКСАНДРУ!* Нынѣ завоеватель не нуженъ Россіи; ей потребенъ мудрый защитникъ, блюститель и правитель внутренній — Самодержецъ, которой стараясь укрѣпить внутреннія силы Государства, начинаетъ съ Себя Государственную экономію, не плѣняется роскошію и пышностію, какъ недостойнымъ Особы Монарха — Самодержецъ, которой увѣренъ, что великія суммы, составляемыя мѣлкими, но для народа работающаго, чувствительными долями, опредѣлены единственно для содержанія и защищенія Государства — пріобрѣтаетъ такое могущество, такой перевѣсъ противъ сосѣднихъ Державъ, какого не

могутъ дать блистательнѣйшія побѣды, покрывающія мѣста сраженія трупами, и, истощающія силы Государства. Вотъ твердое, единственное основаніе для истиннаго могущества!

Пусть Александръ Македонскій идетъ въ Индію. Предъ моимъ Героемъ отворяется внутреннее святилище храма человѣчества, куда уже Онъ входитъ по ступенямъ! — Льстецъ сказалъ бы: *Онъ будетъ Россійскимъ АЛЕКСАНДРОМЪ, когда принудятъ Его обнажить мечь!* Я говорю: *онъ будетъ только защитникомъ Россіи!*

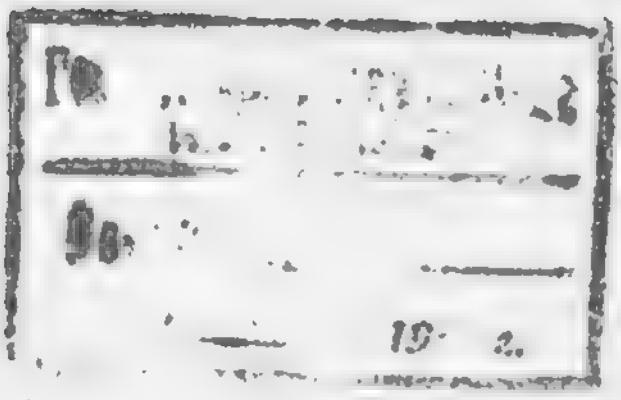
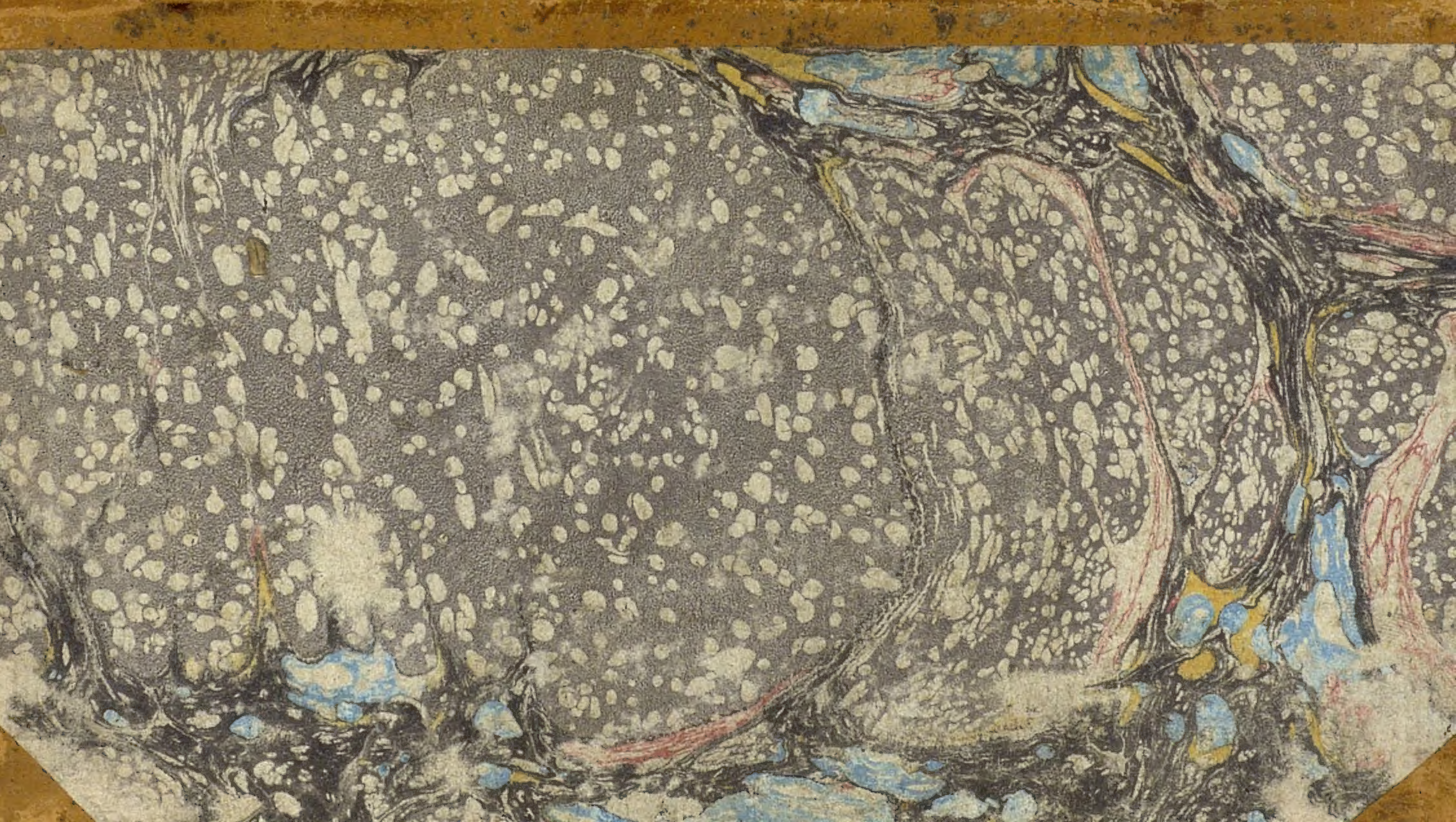
Строгой Философъ не смѣетъ болѣе требовать того, что до сихъ поръ дѣлаетъ Юный Монархъ, достойный Своего са-

на и любви подданныхъ. Злословіе слишкомъ низко, чтобы коснутся до Него; даже въ сей критической періодъ жизни Своей, Онъ превыше молвы народной. Тотъ, кто знаетъ сердце человѣческое, судитъ о АЛЕКСАНДРѢ, что Онъ прейдетъ Свое поприще, какъ мужъ твердый и опытный: ибо стремится къ истинной славѣ, уважаетъ человѣка, и знаетъ цѣну уваженія людей. Еще розы юношескаго возраста цвѣтутъ на лицѣ Его, а Онъ успѣлъ довести къ созрѣнію первую изъ Царскихъ добродѣтелей — которая состоитъ въ томъ, чтобъ желать добра, и узнавъ его исполнять мужественно и твердо.

Умѣетъ ли Россія чувствовать и цѣнить добродѣтели МО-

НАРХА своего? — Европа смотритъ на нее съ любопытствомъ и удивленіемъ; это значитъ въ измѣненномъ смыслѣ: Россія понимаетъ политическое и моральное свое достоинство.

Изъ всѣхъ народовъ Европейскихъ, Самодержцу Россіи достался жребій самой трудной: ибо изъ всѣхъ народовъ Европейскихъ, ввѣренной АЛЕКСАНДРУ, озаряется послѣдній лучами просвѣщенія, указующаго путь къ чистой нравственности... Только въ Россіи существуетъ политическое различіе между людьми. Предки не виновны въ семъ положеніи вещей. Преобразованіе Государствъ не дѣлается вдругъ. Мудрость и человѣколюбіе распространяя власть свою на Россію, скоро поставятъ

народъ Россійской, славной мужеством и добрыми качествами, въ равновѣсіе съ просвѣщеннѣйшими народами? — —

Я никогда не писалъ о Владыкахъ земли, единственно боясь искушеній лести: не пресмыкался предъ ними въ прахъ, опасаясь, чтобы не возвысить Государя, унизивъ достоянie человѣка. Причтутъ ли мнѣ въ вину, что дерзнулъ писать о Первомъ изъ Государей Европы, котораго уважаю, которой составляетъ тихую вожделенную отраду жизни моей, и — для чего не сказать мнѣ — котораго я люблю? — — — — — — — — — — — — — —